

Князь Монца поднялся на минарет соборной мечети своего общества и произнёс вдохновляющую речь. Он сказал: Родственники! Сейчас я скажу, что мы должны сделать. Чеченские сироты голодают. Многие не имеют хорошей одежды. Нам пора отправиться в тот край, где раздолье для множества всадников. Поскачут две тысячи, разве что двое захотят вернуться. Наш путь лежит в страну врагов за богатой добычей.

Почему Монца назван князем (эла), а не просто военным предводителем мужского молодёжного общества (бяча), неясно. Возможно, так автор подчёркивает социальную дистанцию между ним и положительным героем, сыном вдовы, который появится позже. Судя по всему, Монца – чеченец, а значит, вряд ли он князь в феодальном смысле этого слова, так как наличие своих феодалов для чеченского общества не было характерным; феодальными владельцами были иноплеменные князья, чаще всего кабардинцы. Монца обосновывает необходимость набега перед обществом тем, что нужно накормить сирот и помочь

* Заметка основана на переводе чеченской героической песни (илли) «О Сыне Вдовы и князе Монце» Михаила Синельникова, опубликованном в сборнике «Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX веков», составители: И.Б. Мунаев, А.В. Преловский; М., 2005.

нуждающимся; то есть, он вроде бы собирается сделать благое дело. Дальше он описывает страну врагов: это раздольный край. Похоже, что общество Монцы живёт в стеснённых условиях, не имея достаточно земель для пашни и пастбищ, где-то в предгорье или в ущелье, или зажатое владениями феодалов. Поэтому Монца рассказывает про сказочные места, где могут скакать тысячи всадников. И таковы там просторы, что как поскачешь, так не сможешь и не захочешь вернуться; а не так, как у нас, где сразу упрёшься либо в гору, либо в реку, либо в чужой аул. Вероятно, Монца зовёт чеченцев в набег за Терек, в ногайские и кумыкские степи между Терекком и Волгой.

Общество относится к идее Монцы с пониманием и сочувствием. Но никакого народного ополчения не собирается, да Монца этого и не ждёт. В поход выступают его младшие братья и родственники: ограниченная дружина, ватага молодёжи, типичное мужское инициатическое общество. Где-то в пределах дневного перехода дружина останавливается на привал, чтобы дать отдохнуть коням и самим принять пищу, взятую с собой в дорогу. Вдруг среди бела дня на чистом небе появилось облако и зажглось. То ли в нём заблестали молнии, то ли оно как-то особенно озарилось светом солнца, как внутренним сиянием. Монца испугался и решил вернуться, чтобы знакомый мулла истолковал знамение. В таком деле, как набег, многое зависит от удачи, поэтому понятно, что разбойник Монца суеверен и пытается понять послание небес.

Вернувшись в селение, Монца идёт к Усап-мулле, изучившему все науки в мире, прославленному своей мудростью и почитаемому в народе за святость. Монца обращается к мулле без уважения, он угрожает: открой всю правду о знамени, иначе тебе не жить! Мусульманскому священнику не положено гадать и делать предсказания по атмосферным явлениям. Похоже, что под видом муллы в песне выведен обычный языческий жрец. Или муллы приняли на себя функции шаманов и предсказателей в полумусульманском, полуязыческом чеченском обществе того времени. Выслушав князя, мулла разложил на грузинском ковре свои книги и начал их перечитывать, ища объяснения необычному знаку небес. Всю ночь читал, а наутро позвал к себе князя и сказал:

Пусть тебя минует гнев Делы! Не знаю, как мне поступить лучше: рассказать ли тебе правду и тем причинить боль твоему сердцу, или солгать и лишиться головы? Но попробую быть честным. Это облако было вовсе не облаком, это явился ангел, посланный для исполнения судеб. И судьба в том, что дочь Дады богатого, которой ты очарован с юности, должна соединиться с сыном вдовы. Совершенно нельзя понять, как именно вывел мулла связь между облаком и дочерью Дады. Уж не строил ли он козни, чтобы привести к гибели жестокого и грубого Монцу? Князь ответил: клянусь Делой, что сумею порушить эту связь и разлучу мальчишку с дочерью Дады!

Дела – это чеченское имя бога небес, главного бога в языческом пантеоне чеченцев. Возможно, мулла называет Делой и Аллаха, бога Корана, но это не обязательно. Возможно также и то, что мулла – не совсем мулла, а чеченский шаман. Князь решил, что, пока он ходит в набеги, сын вдовы может жениться на присмотренной им для себя невесте и надо этому помешать. В ночь он поднимает свою ватагу и приходит во двор вдовы. Он говорит: покажись, вдовый сыночек, теперь я тебе стану вместо матери и обучу тебя, как волк волчонка. Сын вдовы, смелый витязь, стал собираться в дорогу.

Монца на словах приглашает сына вдовы присоединиться к его ватаге, к традиционному обществу молодых мужчин, как своего ученика, с тем, чтобы сын вдовы прошёл мужское посвящение в набеге. Но это только на словах. На самом деле за эвфемизмом ученичества скрывается рабство. Князь по праву силы берёт сына вдовы своим заложником и прислужником, рабом. И мы увидим подтверждение этому далее в тексте. Сын вдовы, не имеющий в тексте собственного имени, – это образ социально незащищённого, бесправного члена общества. По старым чеченским обычаям, если у человека умирает отец, то его берут на воспитание другие мужчины его клана и его вторым именем становится имя его воспитателя. Если человека называют сыном вдовы, это значит не только, что у него умер отец, но что в его роду нет других мужчин, нет покровителей, нет заступников, он одинок и беззащитен в племени, где сила каждого – это сила его рода. Князь может просто прийти и забрать его своим рабом.

Седая мать плачет, провожая единственного сына: сыночек мой, я готова отдать жизнь за тебя! Бойся измены! Коварный Монца ненадёжен. Витязь отвечает: мама, не трать слов понапрасну и не проливай слёзы. Бог Дела всем посылает удачу. И я решился. Будь, что будет! С этими словами сын вдовы седлаёт коня и отправляется вместе с ватагой Монцы в путешествие. Шайка мчится день и ночь, впереди князь Монца, как матёрый волк, который ведёт свою стаю. Наконец они забрели в неведомое место, отдохнули, перекусили и направились в крепость, где правил некий князь Хаси. Кто такой этот Хаси и почему он тоже князь, мы не знаем. Вероятно, он тоже чеченец. У него есть своя крепость. Эта крепость, скорее всего, просто родовая башня. Таким образом, Монца привёл свою ватагу к горам, где стоят фамильные башни чеченских кланов.

Монца обращается к хозяину с речью, в которой раскрывает свои истинные намерения относительно сына вдовы: покажись скорее, мой любимый друг! В твои владения задаром я привёл одинокого пастуха. Этот одинокий пастух и есть сын вдовы. Монца собирается подарить князю Хаси сына вдовы как раба и успокаивает друга, что проблем с этим не будет: сына вдовы можно безнаказанно поработить, так как он одинокий и никто за него не заступится. Выходит, что обещание Монцы принять витязя в свою ватагу и обучить его, как волк волчонка, было обманом.

Пока что всё происходит в пределах чеченских обществ. Хаси и Монца – старые чеченские имена, сохранившиеся в современных фамилиях. Фамилия Хасиевы весьма распространена среди чеченцев, есть также фамилия Мацаевы, это наверняка вариант от Монцаевых. Князь Хаси радушно принимает гостей. Он говорит: спасибо тебе, мой друг! Ты пришёл с одиноким пастухом! Заходи в дом со своими людьми, будем есть сочное мясо и запивать драгоценным напитком.

Монца с дружиной заходит в башню князя Хаси и начинается пир. Они сидят за еловым столом, наполняют мясом желудки и исцеляют печали брагой. Вообще-то употреблять хмельные напитки мусульманам запрещено, но герои песни, очевидно, если и мусульмане, то не очень строгие. Посреди пира Монца обращается к хозяину: о мой старинный друг, скажи мне правду. Голод изнурил чеченских сирот, весь мой народ обессилел без пищи, наши бедные братья плохо одеты и нищи. Неужто мы не найдём у богатых князей табуна коней, чтобы их угнать?

Князь Хаси отвечает: есть в округе один такой табун. Им владеет Чёрный Князь. Наши отцы пытались украсть лошадей, но все погибли, никто не вернулся. Однако пусть нам выпадет удача! Вступим в бой и узнаем, кого прославят как смелого витязя! Когда пир окончился, хозяин устроил гостей на ночлег и сам отправился спать. Через две ночные стражи Монца подходит к каждому из своих братьев и, слегка ударяя рукой, будит их. На рассвете князь Монца тайно покидает башню князя Хаси и уводит свою дружину, оставив раба, сына вдовы, с князем Хаси. Монца испугался опасной битвы, услышав, что сказал Хаси о погибших прежде налётчиках.

Утром князь Хаси, готовый к набегу, заходит к гостям и говорит: пусть утро будет добрым, друг Монца, и пусть с нами будет удача! Но никого нет. Остался только сын вдовы, и он отвечает хозяину: Пусть тебя любит Дела, Хаси. Ты, видно, слишком страшной описал будущую битву, поэтому Монца всех разбудил ещё среди ночи и ушёл, уведя с собой дружину своих братьев. А перед тобою тот, кто служит, тот самый одинокий пастух. Вдовый сын называет себя «тот, кто служит», он уже понял, что Монца привёл его к Хаси как раба и прислужника, однако, намекает, что он не раб, а витязь, который не испугался боя.

Князю Хаси понравились слова сына вдовы, а Монцу как труса он сразу перестал уважать. Поэтому он говорит мальчику: сын вдовы, расскажи мне, что в твоём сердце. Мальчик отвечает: о князь Хаси, да не увидишь ты счастья, да лишишься ты своего бесценного добра, если нынче же ты не возьмёшь меня с собой на битву, которой испугался Монца! Князь Хаси соглашается взять сына вдовы с собой в набег. Они снарядились в бой, как княжичи, собрались, как невесты, увозимые к жениху: взяли в сумки крымский свинец для ружей и чёрный порох. Прибыли и встали на высокой горе.

Хаси говорит юноше: ну-ка, чеченский витязь, возьми мою армянскую подзорную трубу и следи, не подойдет ли войско от врага, а я угоню табун, охраняемый сейчас только дюжиной пастухов, и лошади будут наши! Но сын вдовы просит: я хочу сам угнать табун, ведь ещё в детстве я на сходках мальчишек говорил, что буду героем, дозвожь мне осуществить свою мечту! Хаси остался на вершине, а сын вдовы поехал за табун. Подъехав к пастухам, юноша прибежал к хитрости. Он сказал: мир вам, пастухи! Я раздатчик денег. Ваш князь прислал со мной трёхмесячную плату за вашу работу. Кладите оружие на траву, становитесь в очередь и получайте жалование!

Беспечные и глупые, заплывшие жиром пастухи послушались, сложили оружие и встали в очередь за деньгами. Витязь связал одиннадцать, а двенадцатого послал с вестью к Черному Князю. Пригнав табун к Хаси он сказал: о князь! Табун я угнал, что нам теперь дальше с ним делать? Из пастухов некому будет поведать Чёрному Князю о том, что случилось.

Вдовый сын обманывает своего друга Хаси. Он говорит так, что Хаси должен подумать, будто витязь убил всех пастухов и некому будет позвать ограбленного хозяина в погоню за ворами. Но Хаси то ли не верит сыну вдовы, то ли понимает, что хозяин коней всё равно прознает о грабеже. И говорит: Чёрный Князь завоюет и затопчет так, словно он собрался разрушить мир и напугать самого Делу, а потом ринется в погоню за нами. Уводи табун, а я останусь, чтобы принять бой.

Сын вдовы опять просит князя Хаси, чтобы тот сам угнал табун подалее, а его оставил прикрывать отступление. Хаси соглашается. Сын вдовы дождался погони. Чёрный Князь приветствовал его и спросил:

будем биться конными или спешимся и сойдёмся насмерть на земле? Витязь ответил: давай не будем умножать свои грехи и губить безгрешных коней, лучше сразимся на земле!

Они спешили и стали биться. Но юноша, который весь день не ел и не пил, пошатнулся. Его же конь, увидев, что витязь клонится к земле, вступил в схватку, стал рвать Чёрного Князя зубами и топтать копытами. И так убил хозяина табуна. Это было не очень честно со стороны сына вдовы. Ведь он сам предложил, чтобы кони не принимали участия в сражении. Однако его конь вступил в дело и решил исход в его пользу, а Чёрный Князь был пешим и не мог противостоять бешеному животному. Но поскольку симпатии автора и слушателя должны быть на стороне сына вдовы, то эта невольная уловка ему прощается. Сын вдовы поднялся и отрубил голову у мёртвого Чёрного Князя.

Чёрный Князь – персонаж мифический и условный. Точно определить его этническую принадлежность нам не удастся. Мы можем подумать, что он не чеченец, а скотовод из тюркских степных племён. Но если шайка ехала на север, где степи, то как она оказалась на юге, где горы и башни? И ещё Чёрный Князь разговаривает с сыном вдовы на одном языке. И его пастухи ничего не заподозрили, поняли сына вдовы и не увидели в нём иноплеменника. Впрочем, в героических песнях на такие мелочи, как язык общения персонажей, почти никогда не обращается внимания.

Князь Хаси, отогнав табун в безопасное место, спешит на помощь сыну вдовы, повторяя: если ты устоял, то стой и дальше, если выжил – не умирай, если не боялся, то не пугайся и теперь, держись, подмога близко, я лечу к тебе, как сокол, который вьёт гнездо в тучах! Сын вдовы слышит князя и отвечает: я выжил, я не струсил! Ты лети, как сокол из тучи, внизу ты найдёшь меня, своего соколёнка!

Князь Хаси, видя поверженного и обезглавленного Чёрного Князя, удивляется: расскажи мне, вдовый сын, как ты смог совершить то, что не удавалось многим сильным витязям! Сын вдовы честно отвечает: пусть я умру, пусть я навек лишусь твоей милости, мой любимый друг, если скажу, что я и впрямь смог одолеть такого врага своей силою! Он признаётся, что Чёрного Князя убил верный конь.

Налетчики решают поделить добычу на три доли: по одной для Хаси, сына вдовы и коня сына вдовы, раз уж конь принял такое важное участие в битве. Сын вдовы опять невольно перехитрил своего друга, получив в своё владение фактически две трети добычи. Однако они договариваются, что та треть, которая досталась коню, будет роздана сиротам. Хаси отпускает сына вдовы домой, объявляет его своим побратимом и предостерегает его, чтобы впредь он не ходил в набеги с ненадёжным и трусливым Монцей.

Когда взошло солнце и в мире распространился яркий свет, в селение вошёл сын вдовы вместе со своим табуном. Он призвал сырых и убогих получить от него дары. Этот голос узнал злой Монца. Он вновь собрал ватагу своих братьев и заявился во двор вдовы. И снова князь Монца говорит: сын вдовы, просыпайся! Я стану тебе заботливей матери и обучу, как волк волчонка! Мать плачет, а сын вдовы опять собирается в дальнюю дорогу, не смея перечить князю и нарушая указание своего побратима, князя Хаси.

После долгого пути они прибывают к холму, и Монца говорит юноше: возьми подзорную трубу, взойди на этот холм и огляди с высоты земные дали. Витязь отвечает: Монца, побойся гнева Делы! Все знают,

что этот холм зовётся Зыбким, зачем же ты посылаешь меня на вершину? Монца говорит: вдовый сын, или ты испугался? Я думал, что ты храбрый, что ты не содрогнёшься, даже если небо упадёт на землю и если земля уйдёт из-под ног! А ты боишься подняться на какой-то пригорок, о котором судачат старые женщины? Будь мужчиной, бери трубу и поднимайся!

Сыну вдовы пришлось подняться на Зыбкий холм. Он стал настраивать подзорную трубу, но не успел взглядеться, как вершина треснула, и юноша провалился в глубины холма, как в пропасть.

За сюжетом об исчезновении под землёй могут стоять реальные воспоминания горцев. В горах есть ущелья, иногда случаются землетрясения, а порой под землёй образуются пустоты, в которые проваливаются люди, скот, целые дома и поселения. Это также очень древний мифический образ. Под землю, в камень уходят нарты, сказочные богатыри.

Монца взял берёзовую жердь и попытался поймать верного коня сына вдовы. Но конь сбежал и вернулся во двор вдовы, где встал в своё стойло и заржал. Увидев, что конь вернулся без седока, вдова всё поняла. Она берёт берёзовый веник и гонит коня со двора, говоря: знала я, что всё так будет! Монца совершил злодейство. Чтоб ты сгинул, бурый конь! Уходи, будь желанным для таких, как мой сын, и проклятьем для его врагов! Конь умчался и стал одиноко скитаться по горам и долинам. Какая-то связь есть между берёзой и чудесным конём, но нам она неизвестна. Возможно, существовал ритуал срезания веток берёзы и очищения ими коня перед принесением его в жертву; а затем и просто для «освящения» коня.

Однажды, когда князь Хаси охотился с чёрными борзыми, он встретил коня сына вдовы. Конь тоже признал князя, заржал и застучал копытом. Хаси подумал: где же твой хозяин, конь? Неужели совершенно злодеяние? И сказал коню: веди меня к своему наезднику! Остановись там, где он остался!

Бурый конь повёл угрюмого князя к холму. Князь сказал: о презренный мир! Ещё наши предки называли этот холм Зыбким, ненадёжным. Видно, мой друг в него провалился. Хаси сошёл с коня и приложил ухо к земле. Он услышал, как сын вдовы причитает: о Дела, пошли мне скорую смерть! Князь и конь стали вместе рыть холм. Им удалось выкопать юношу. Князь, разгневанный малодушием своего друга, говорит: эх ты! Я думал, что ты не содрогнёшься, даже если небо упадёт на землю! Почему же ты жалобно плачешь, как девчонка и зовёшь смерть? Вдовый сын ответил, что он был уже при смерти, потому и позволил себе попросить Делу о скорой кончине.

Странно, но дальше мы ни в одной строчке не встречаем нашего чудесного бурого коня, который трижды спасал своего хозяина: он убил Чёрного Князя, он привёл князя Хаси к холму, и он помог выкопать сына вдовы. После этого о нём ни слова. Похоже, что конь был всё-таки заклан. Тогда перед нами вариант известного мифического сюжета о принесении в жертву коня, который перед этим совершил ритуальное странствие по земле.

Князь Хаси и витязь вместе отправились домой к сыну вдовы. Мать была счастлива их увидеть. Всю ночь друзья пировали. Но наутро, когда блеснуло солнце золотое, их ждала плохая весть. У мечети раздавался клич: сегодня князь Монца женится на дочери Дады! Приходите все на свадьбу. А кто не придёт, тот пусть уходит из наших краёв за зелёный Идал.

Идалом чеченцы называли Волгу. Эта река была им хорошо известна; вероятно, в своих набегах, торговых и прочих путешествиях они до неё доходили. Некоторые чеченские историки утверждают, что в какие-то далёкие времена земли древней Чечни доходили до нижнего течения Волги; что именно эти авторы имеют в виду, какой период истории и какую древнюю Чечню, понять сложно. Скорее всего, это фантомные воспоминания о жизни в Хазарском каганате; а, может, и нет. В данном илли Волга предстаёт как край мира, за которым заканчивается Ойкумена. Князь Монца недвусмысленно угрожает сельчанам, что те, кто не придут поздравить его с женитьбой, будут изгнаны не только из села, но и вообще с родины, далеко, на край света.

Князь Хаси забежал в дом и разбудил сына вдовы словами: друг мой, вставай! Злой Монца нынче берёт в жёны дочь Дады и предлагает нам уйти за Идал, если мы не придём на его свадьбу! Юноша опечалился. Князь Хаси понял, что дочь Дады была невестой сына вдовы. Последний сказал: Пусть бог Дела не будет добр ко мне, пусть ты со мной поссоришься, если я сейчас говорю неправду – в подлунном мире нет никого, кто был бы мне любимей, чем дочь Дады, и никого нет любимей, чем я, у неё.

Князь Хаси сказал: клянусь тебе, мой дорогой друг, что сегодня же я перенесу белую свадьбу со двора коварного Монцы в твой двор, а чёрный траур твоего двора перенесу во двор Монцы; я поменяю траур на праздник, или не видеть мне мира! И сразу отправляется на торжество. Там он ссылается на народные обычаи, говоря: дайте мне погарцевать на коне в честь праздника! А теперь позвольте мне станцевать с красивой девушкой, как у нас принято! А теперь, после такого веселья, мне нужно увидеть невесту – такой уж обычай у нашего народа!

Невеста сидит за белой занавеской. Отодвинув ткань Хаси видит, что девушка плачет, и когда у неё заканчиваются слёзы, то из глаз у неё течёт кровь. Хаси спрашивает её: а ну-ка, если не хочешь прогневить Делу, говори правду, почему ты плачешь? Девушка отвечает, что князь Монца выкрал её насильно, а любит она другого, любит она сына вдовы. Тогда, не медля ни минуты, князь Хаси хватает девушку и усаживает на коня за собой. И оглашает свадьбу холодным криком: позовите ко мне жениха!

Монце пришлось выйти к князю Хаси. Хаси сказал: умри, трусливый Монца! Трусом зовут тебя чеченцы! И ненадёжным другом! Ведь ты упрятал в Зыбком холме юношу, славнейшего витязя, чтобы забрать себе его невесту! Ты справляешь белую свадьбу, предаёшься сладкому веселью, но пришло время платить по счетам, злодей!

С этими словами князь Хаси клинком срубил голову князя Монцы с плеч. Подавленный и униженный Монца не смог оказать сопротивления, и никто из шайки не встал на его защиту, потому что убийство Монцы было обосновано двумя причинами: его трусостью (ни для кого не было секретом, что он испугался вступить в схватку с Чёрным Князем, которого потом одолел сын вдовы, сделавший щедрые подарки односельчанам из украденного табуна) и его вероломством (он загнал юношу на Зыбкий холм, избавился от него хитростью). Таким образом, князь Монца уже потерял свой авторитет, и дело было только за храбрцом, который его прикончит.

Однако таким храбрцом почему-то не мог стать сам сын вдовы. Видимо, это было ему «не по чину». Он был без роду без племени, полураб, если бы он попытался убить князя, то сельчане восприняли бы это как бунт низкорожденного против установленной иерархии. А Хаси

и сам был князь, за ним стоял его клан и его шайка, он имел право сразиться с Монцей как с ровней и уничтожить его. Вероятно, после этой короткой схватки сельчане перешли под протекторат Хаси. Никаких указаний на то, что новым князем мог стать сын вдовы, в илли нет.

Хаси, распоряжаясь в селе Монцы уже как в своём собственном, приказывает сельчанам: все, кто старше тридцати, оставайтесь здесь. Проливайте слёзы и проведите тезят, траурную церемонию по вашему мёртвому князю. А кто моложе тридцати, собирайтесь и идите на свадьбу во двор сына вдовы. Сельчане повинуются Хаси как новому вожаку. Старый вожак несмотря ни на что должен получить княжеские почести. Но молодые могут веселиться на свадьбе. Таков смысл приказа.

Во дворе вдовы устроили пир. Князь Хаси привёз невесту и повесил для неё ритуальную белую занавеску. Эта белая занавеска – то же самое, что фата невесты у многих народов Евразии, символ непорочности. У чеченцев не просто лицо невесты завешивалось белой тканью, но сама она усаживалась в укромное место за занавеской. Князь Хаси вручил невесте дорогие подарки. Погулял на свадьбе семь дней. И отправился домой, как говорит илли, оставив друзьям наставления. То есть, он фактически вступил во владение селом.

Так заканчивается илли в этой версии. Есть другое илли, построенное на том же самом сюжете. В нём мы снова встречаем сына вдовы и дочь Дады (и опять они не имеют собственных имён). Однако вместо князя Хаси и одновременно Чёрного Князя появляется князь Мусост. Сын вдовы хочет угнать у него табун, но потом они становятся друзьями и вместе грабят царскую казну. Дальше история делает неожиданный поворот. Князю Мусосту нравится дочь Дады, он не знает, что она невеста сына вдовы, и сын вдовы как настоящий друг жертвует свою любимую князю. Но невеста признаётся, что любит юношу. Благородный князь возвращает невесту другу, и все пируют. Эта версия, очевидно, более поздняя, чем история князей Монца и Хаси, и по деталям, и по дидактичности. Чем старее эпос, тем меньше в нём нравочений, тем больше странных и тёмных мест, мифов, отголосков жестокой иерархии и атмосферы рока, тяготеющей над людьми.

Надо понимать, что сын вдовы не зря попал в подземелье, провалился в Зыбкий холм, то есть сошёл на время в преисподнюю, где страдал, как страдают мёртвые души. Он был наказан богами, небом и всемогущим роком за свои проступки. Во-первых, будучи безродным, он был горд, бахвалился в своём селе, тягался с князьями и самолично убил Чёрного Князя, чего делать он не имел естественных прав. Во-вторых, он обманывал своего друга и покровителя князя Хаси, и не единожды: в частности, скрыл от него, что отправил пастуха к Чёрному Князю с вызовом на бой, так как сам хотел стяжать славу победителя, хотя он не имел права ни вызывать Чёрного Князя, ни биться с ним, он должен был только помочь князю Хаси. В-третьих, Чёрный Князь был убит нечестно, с помощью чудесного коня (коня потом тоже принесли в жертву для искупления бесчестия). В-четвёртых, сын вдовы ослушался князя Хаси и поехал с Монцей во второй раз; он должен был отказаться и честно сказать, что теперь он вассал не Монцы, а Хаси, и не подчиняется Монце, а если Монца не согласен, то пусть обратится к новому господину сына вдовы и решит этот вопрос с ним. В-пятых, он и в холме проявлял малодушие, моля Делу о смерти.

Несмотря на оплошности сына вдовы, благородный князь Хаси был к нему милостив. Юноша очистился от грехов, пострадав в подземном

мире. Хаси вызволил друга и исполнил его мечты. Заодно был убит ненадёжный вожак Монца, а селение перешло под защиту Хаси.

В советской литературе было принято считать, что легенды о сыне вдовы имеют антифеодальную направленность и проникнуты сочувствием к простым, обездоленным людям. Мы видим, что это и так, и не так. Сочувствие, конечно, есть. А вот антифеодальная направленность едва ли видна. Плохой князь заменяется хорошим князем, а не самоуправлением и не выходцем из низов. И здесь, и во многих других илли и сказках жестокая иерархичность горского общества прикрывается недомолвками и эвфемизмами. Рабство, зависимость, заложничество, владение, покорение называются «дружбой», «гостеприимством», «ученичеством», «побратимством» и так далее. Наверное, так народу было легче переживать своё угнетённое состояние. И это нельзя назвать чем-то уникальным. В городах Европы времён раннего средневековья за фальшивой формулой «мастер – ученик» скрывались реальные отношения, построенные по модели «хозяин – слуга», или даже «хозяин – раб». Исследователи раскрыли это, указав, что такой «ученик» никогда не «выучивался» и не становился сам мастером; и он, и его дети, до старости и смерти оставались «учениками», «подмастерьями», то есть слугами и рабами. Раннее средневековье и в Европе, и на Кавказе скрывало за традиционной «семейной», племенной, первобытной формой отношений «старший – младший», «учитель – ученик» совсем иной институт, институт классового общества, социального и экономического господства, эксплуатации. И горские народы не были каким-то чудесным исключением, как может показаться при неглубоком знании материала.

Илли о сыне вдовы и злом князе Монце считается самым древним текстом чеченского фольклора, дошедшим до нас. Однако точная датировка, конечно же, невозможна. Илли было записано в 1977 году на магнитофонную ленту. Однако тот же самый сказитель, Ахмед Тимуркаев, в 1984 году записал другую версию, длиннее на 155 строк. Досочинил ли он древнюю песню сам за эти 7 лет или вспомнил, что забыл при первой записи? Другой сказитель, Сайд-Ахмед Шидаев в 1975 году дал другой вариант илли. А была ещё песня, записанная в 1963 году от сказителя Магомеда Гакашаева, к тому времени 60-летнего, но рукопись погибла в начале 1995 года в Грозном. Поэтому то, что мы обсуждаем сейчас, может быть датировано только 1977 годом; это реальная датировка.

Однако по материальным атрибутам, таким, как кремневое оружие, можно сделать вывод, что илли было составлено где-то около XVI–XVII веков. И это не крайняя дата. В это время, скорее всего, было переложено на новый лад древнее сказание, которое уплывает в недосыгаемую даль времён. Фольклор часто занимается перелицовкой, «римейками». Шамана заменили на муллу, но функции шамана, необходимые по сюжету, остались. Видны следы очень старых «языческих» верований. Доисторическое «схождение под землю». А ещё невероятной древностью веет от легенды про «кражу табуна лошадей». Легенде можно давать различные мифологические интерпретации, и в «натуралистическом» ключе (возвращение лучей солнца, например), и в иных. И, хотя свое повторение и подтверждение история могла получать в режиме реального времени постоянно, вплоть до XX века, когда горцы продолжали угонять друг у друга и у казаков коней, истоки сюжета находятся в очень глубокой древности.

В период от 8 до 4 тысяч лет назад племена людей одомашнили лошадь. Это был постепенный процесс. Вероятно, сначала люди просто

контролировали передвижения диких табунов, приручая отдельные особи (лучше всего, если удастся приручить главную кобылу), крали жеребят, выхаживали больных и раненых, как обычно, и в то же самое время пользовались табуном как источником мяса, а потом и молока (оказалось, что кобылье молоко прекрасно подходит человеческим младенцам). Процесс был не только медленным, но и двусторонним: люди выводили нужную породу лошадей, а лошади выводили породу людей, которые совместимы с лошадьми. Не обошлось и без накладок: так называемая «простуда», которой болеют все (или почти все) люди – это лошадиный вирус, который мутировал и приспособился к жизни в людях после того, как люди долго жили с лошадьми одним табуном, одним племенем. В те далёкие времена табуны лошадей были первым и единственным богатством человеческих обществ. Естественно, что все войны велись за лошадей (ну и за женщин, конечно), и главным занятием молодых мужчин было угонять друг у друга табуны.

Мечта об уgone огромного табуна в устах чеченского сказителя не только XX, но и XVI веков была именно что мечтой, фантазией, преувеличением и анахронизмом, несмотря на современные ему микромасштабные реализации. Несомненно, что какие-то далёкие предки чеченцев, вместе с далёкими предками других людей, на каких-то широких равнинах пасли и гоняли туда-сюда стада лошадей. Но, сколько нам хватает исторической памяти и на какую даль мы можем посмотреть в нашу историческую подзорную трубу, встав на зыбкий холм предположений, чеченцы жили в горах и в довольно тесных предгорьях. И даже до того, они были, вероятно, земледельцами и горожанами, но не степняками и скотоводами. В обозримое нами историческое время украсть табун за Терекom было можно. Только что ты потом с ним будешь делать? Куда ты его угонишь? Где ты его спрячешь? Где ты его будешь пасти? Никакой свободной земли не было. Земля была занята селениями, пахотой, пастбищами обществ, да ещё и контролировалась феодалами. Лихие разбойники должны были, скорее всего, либо быстро распределить лошадей, либо перепродать табун, угнанный у одних степняков другим степнякам. Жизнь была тяжела и опасна. И песни скрашивали её давно несбыточной мечтой-воспоминанием о древних временах, широких безлюдных равнинах, свободных от феодалов, государств и соседей, и несчётных табунах коней, которых можно гнать и день, и два, и неделю, и никогда не возвращаться обратно.

Следует ещё учесть, что набегами и конокрадством традиционно занималось ограниченное число молодых мужчин, «инициатическое мужское сообщество». После тридцати (мы знаем, со слов князя Хаси, что те, кто старше тридцати, – старые; их удел стоять на тезяте, траурной церемонии, пока молодые веселятся на свадьбе), горский мужчина отходил от удальства и молодечества, пахал землю, ухаживал за скотом, строил, ковал железо, торговал и занимался прочими скучными работами, вечерами за чашкой утешающего напитка вспоминая подвиги юности, если было что вспомнить. Но об этом есть другое илли.